

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2025 А. Б. Клименко

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье анализируется идентичность жителей Донбасса через призму онтологического подхода. Рассматриваются основания регионального самосознания, феномен пограничности и кризис идентичности в условиях социально-политических трансформаций. Аргументируется идея о том, что идентичность Донбасса имеет многослойный характер: она включает историко-экзистенциальное измерение, культурно-ценностные коды и социально-онтологические практики. Подчеркивается, что кризис идентичности региона носит не только политический, но и фундаментально онтологический характер, ставящий под вопрос способы бытия человека в «пограничном» социокультурном пространстве.

Ключевые слова: Донбасс, региональная идентичность, культура, шахтерский труд, пограничность.

Актуальность. Феномен идентичности занимает одно из центральных мест в современном гуманитарном знании, поскольку непосредственно касается мировоззренческого вопроса о том, кто есть сам человек и как он осознает собственное бытие в мире. В случае Донбасса проблема идентичности приобретает особую специфику: этот регион на протяжении своей истории находился в состоянии культурной и политической пограничности, что определило уникальную многослойность его самосознания.

В современных условиях экзистенциальный выбор Донбасса стал предметом активных дискуссий в философии, социологии, политологии и культурологии. Однако большинство исследований сосредоточено на политико-идеологических и социологических аспектах, тогда как онтологическое измерение остается мало разработанным. В то же время именно онтология как учение о бытии позволяет понять, каковы основные черты идентичности жителей донбасского региона, каким образом они существуют и определяют свою бытийность в условиях исторической нестабильности и широкого культурного многообразия. Данное исследование значимо как в контексте самого Донбасса, так и в контексте более широком, связанном с другими подобными регионами по всему миру.

Цель данной работы – раскрыть онтологический аспект идентичности Донбасса, выявив ее фундаментальные измерения и специфику «пограничного бытия».

Теоретическими источниками для написания данной работы послужили труды Б. Андерсона [1], Р. Брубейкера [2], М. Кастельса [3], Г.А. Коржова [4], П. Нора [5], П. Рикера [6], Ж.-П. Сартра [7], Э. Смита [12], М. Хайдеггера [8], Ю. Хабермаса [11], С. Хантингтона [9], Г.Г. Шпета [10] и др. Анализ теоретических источников показывает значимость и актуальность вопроса онтологического измерения региональной идентичности при практически полном отсутствии исследований данной проблематики в отношении Донбасса.

Методология исследования. Онтологический анализ идентичности предполагает обращение к нескольким исследовательским традициям, связанным с различными направлениями современной философской мысли. При написании данной работы автор обращался к феноменологии бытия, представленной трудами М. Хайдеггера [8],

Ж.-П. Сартра [7]. Идентичность в контексте данного направления рассматривается как способ присутствия человека в мире (Dasein у М. Хайдеггера [8, с. 28]), своеобразная «укорененность» в пространстве и времени. Кроме того, методологическим основанием данной работы является герменевтика идентичности П. Рикера [6, с. 126]. У него самоидентификация понимается через нарратив: коллективные рассказы, мифы и память, в которых конституируется образ «мы».

Необходимо упомянуть также теорию воображаемых сообществ Б. Андерсона [1, с. 53], поскольку Донбасс в нашей работе осмысливается как регион, формирующийся благодаря символическим и культурным практикам, а не только политико-административным границам. Не менее важную с методологической точки зрения роль играет в данном исследовании концепция сетевых обществ испанского ученого М. Кастельса [3], так как нами рассматривается влияние глобализационных, в том числе цифровых процессов на трансформацию локальной идентичности жителей Донбасса. Наконец, при исследовании метафизики и идентичности Донбасса следует обратиться к философии пограничности (Ю. Хабермас [11], С. Хантингтон [9], Г. Шпет [10] и др.). Донбасс может быть проанализирован в том числе как пространство «между», где встречаются разные культурные и цивилизационные коды.

Методологическая новизна нашей работы заключается в том, что идентичность Донбасса интерпретируется не только как социальный конструкт, но и как онтологическая форма существования человека в условиях культурно-исторической пограничности [10, с. 112].

Основная часть. Прежде чем анализировать онтологическое измерение донбасской идентичности, следует обратиться к более широкому понятию – региональной идентичности.

Проблема идентичности является одной из центральных в современной философии и гуманитарном знании. В условиях глобализации и культурной мобильности вопрос о том, что связывает человека с определенным местом, регионом, сообществом, приобретает особую актуальность. Региональная идентичность выступает формой самосознания, выражающей принадлежность индивида или сообщества к конкретному пространственно-культурному контексту.

Философское осмысление региональной идентичности восходит к категориям пространства, места и бытия. Еще М. Хайдеггер в эссе «Строительство, жительство, мышление» указывал, что человек существует не в абстрактном пространстве, а в конкретном «месте», где раскрывается смысл его бытия. Место, по М. Хайдеггеру, есть не просто географическая точка, но экзистенциальная структура присутствия – «топос» человеческого существования.

Региональная идентичность в этом смысле выражает философскую категорию принадлежности к пространству, истории, культуре. Она отражает взаимодействие универсального и локального, общего и индивидуального. Как отмечает П. Рикер, идентичность всегда диалогична: она формируется через признание и различие, через отношение к Другому [6, с. 102]. Таким образом, региональная идентичность не только конституирует «Я» человека, но и определяет границы культурного общения.

С философской точки зрения региональная идентичность – это не просто социальный ярлык или элемент административного деления. Она представляет собой способ бытия человека в мире, форму укорененности, обеспечивающую целостность опыта и устойчивость культурных смыслов.

Культура формирует смысловую структуру пространства. Регион не существует вне культурного содержания: языка, символов, традиций, нарративов. Именно культура «очеловечивает» пространство, превращая его в место проживания смыслов.

Философия культуры (О. Шпенглер, Э. Кассирер, М. Бахтин) рассматривает регион как особую форму воплощения культурного стиля. Региональная идентичность в этом контексте становится проявлением культурного типа, в котором синтезируются язык, ритуалы, мифология, искусство.

Современные процессы глобализации, напротив, ведут к размыванию локальных идентичностей. Однако философия постмодерна (Ж. Бодрийяр, Ф. Джеймисон) показывает, что в ответ на глобальное унифицирующее давление возникает стремление к локальному самовыражению. Регион становится пространством сопротивления обезличенному миру, способом сохранения аутентичности человеческого бытия.

Региональная идентичность имеет не только культурное, но и онтологическое измерение. Она задает способ со-бытия человека с другими, определяя форму коллективного существования. Через региональную идентичность человек участвует в более широком бытии: историческом, природном, социокультурном.

В этом смысле регион можно рассматривать как «онтологический горизонт» – границу, в пределах которой разворачивается человеческий опыт. Осознание своей региональной принадлежности помогает субъекту обрести устойчивость в мире, где доминируют процессы отчуждения и ускорения.

Философия пространства, таким образом, становится философией идентичности. Пространство региона – это не просто место, где человек живет, а форма, в которой он есть. Региональная идентичность оказывается выражением внутренней потребности в укоренении – своего рода экзистенциальной топологией бытия.

Пространство в философском смысле – это не просто протяженность, а форма организации человеческого опыта, способ бытия в мире. Еще в античности философы (Аристотель, стоики) связывали пространство с природным порядком и космосом как с гармонией, в которой каждая вещь имеет свое место. В Новое время понятие пространства претерпело рационализацию: для Декарта оно стало геометрическим, однородным, лишенным качеств, тогда как для И. Канта – формой априорного созерцания, структурирующей восприятие. Однако феноменологическая и экзистенциальная философия XX века (М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти, М. Бубер) возвращает пространству человеческое измерение.

Философия пространства раскрывает, что тоπος (место) обладает онтологической и символической глубиной. Каждое место формирует определенный горизонт восприятия, систему координат, в которой человек понимает мир и самого себя. Именно поэтому региональная идентичность не может быть сведена к набору социальных характеристик; она пронизана смыслом и эмоциональной памятью пространства. М. Мерло-Понти в работе «Феноменологии восприятия» [6] подчеркивает телесное измерение пространства: человек не просто находится в нем, он переживает его через движение, зрение, тактильность. Таким образом, регион – это не абстрактная территория, а пережитое пространство, насыщенное опытом телесного пребывания, памяти, мифологии, языка.

Современные философы (М. де Серто, Э. Соя, Э. Релафорд) вводят понятие производства пространства, показывая, что оно создается через практики, дискурсы и культурные коды. Пространство региона – не данность, а процесс, постоянно воспроизводимый в человеческих действиях, привычках, ритуалах.

Философия пространства позволяет понять, что региональная идентичность – это форма онтологического диалога человека и места. Через пространство человек не только осознаёт себя, но и укореняется в мире, преодолевая отчуждение и анонимность глобального существования. Таким образом, философия пространства раскрывает

метафизическую основу региональной идентичности: быть в регионе – значит быть в месте, а значит, быть в бытии.

Региональная идентичность является сложной философской категорией, соединяющей в себе пространственное, культурное и экзистенциальное измерения человеческого существования. В эпоху глобализации она приобретает новое значение, выступая средством сохранения культурного разнообразия и формой внутренней самодетерминации личности. Философское осмысление региональной идентичности позволяет рассматривать ее не только как объект социологических или политических исследований, но и как фундаментальную структуру человеческого бытия, как способ соотнесения себя с пространством, временем и культурой.

История Донбасса связана с индустриализацией XIX–XX вв., массовыми миграциями и формированием рабочего класса. В отличие от аграрных регионов, здесь идентичность конструировалась вокруг труда, промышленности и коллективизма.

Экзистенциальный опыт жителей Донбасса – это буквально опыт «созидания мира руками». Труд, шахта, завод – не только экономические факторы, но и онтологические категории [4], определяющие образ жизни и мышления жителей региона. В этом смысле донбасская идентичность неразрывна с образом «человека-труженика», что закреплено в коллективной памяти и символических практиках.

Центральное место в этом процессе занимает шахтерский труд. Для жителей региона шахта – это не только источник материального существования, но и особое измерение бытия. Спуск в шахту символизирует вхождение в иное пространство, где человек сталкивается с первоэлементами природы, риском и смертью. Отсюда рождается особая этика: смелость, взаимовыручка, стойкость и готовность к самопожертвованию.

Феномен шахтерского труда можно рассматривать как онтологический архетип региона: он формирует представление о мире как о пространстве борьбы и преодоления; задает ценность коллективного усилия выше индивидуального успеха; закрепляет в сознании образ «человека-труженика» [4, с. 42], достойного уважения благодаря своей готовности к риску и физическому подвигу.

Шахтерский труд создает специфическое восприятие времени и памяти. В региональном самосознании важную роль играют нарративы о трудовых династиях, преемственности поколений, героических подвигах шахтеров, что, фактически, формулирует символическую общность [1, с. 124]. Таким образом, шахта становится местом памяти, (франц. *lieu de mémoire* по выражению французского историка П. Нора [5, с. 26]), где укореняется не только экономическая, но и экзистенциальная идентичность. Шахта может стать «местом памяти» в том случае, если она является символическим элементом, хранящим память о важных исторических событиях и целенаправленно сакрализуется и почитается людьми. Все эти аспекты представлены в метафизике Донбасса.

Опыт Донбасса во многом сопоставим с другими индустриальными регионами, где шахтерский труд стал ядром коллективной идентичности.

Так, в Рурском бассейне (Германия) шахтерская культура сформировала представление о *Gemeinschaft* (немецк.) – сообществе, основанном на доверии, дисциплине и трудовой солидарности. Подобно Донбассу, рурские шахтеры воспроизводили ценности коллективизма и равенства. Однако в Германии этот опыт со временем трансформировался в сильные профсоюзы и социальное государство, что смягчило кризисы идентичности после закрытия шахт.

В Уэльсе (Великобритания) шахтерский труд стал основой национального самосознания: шахтеры не только работали вместе, но и создавали культурные формы

– хоровое пение, фестивали, символику труда как части валлийской идентичности. В отличие от Донбасса, где преобладала советско-индустриальная модель, в Уэльсе трудовая идентичность тесно переплелась с этнической и языковой.

Особенность Донбасса в том, что шахтерская идентичность изначально формировалась в условиях многонационального смешения и отсутствия единого этнического кода. Поэтому она приобрела универсалистский характер: шахтер – это «каждый», независимо от происхождения. Таким образом, шахта стала пространством не только труда, но и социальной интеграции.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что шахтерский труд в разных регионах мира стал онтологической основой идентичности, но пути ее развития различны. Если в Руре и Уэльсе трудовая культура постепенно институционализировалась и встроилась в национальные нарративы, то на Донбассе она приобрела характер самостоятельного онтологического ядра идентичности, определяющего ценности региона до сих пор.

Шахтерский труд можно рассматривать не только в социально-экономическом, но и в философско-онтологическом измерении, с опорой на труды М. Хайдеггера [8], П. Рикера [6] и Э. Дюркгейма.

В «Истоке художественного творения» М. Хайдеггер вводит различие между землей и миром. Земля скрывает и удерживает, мир раскрывает и упорядочивает [8, с. 96]. Шахтерский труд – это уникальный феномен, соприкасаясь с которым человек буквально «входит в землю» и извлекает скрытое в ее недрах на поверхность. В онтологическом смысле шахта – это место встречи человека и первооснов, где проявляется фундаментальная зависимость бытия от природы. Для жителей Донбасса это становится экзистенциальным опытом: спуск в шахту – это погружение в «скрытое», а возвращение на поверхность – раскрытие мира. Таким образом, шахтерский труд можно понимать как онтологическую метафору борьбы с закрытостью бытия и его раскрытия через труд.

П. Рикер рассматривает идентичность как повествовательную структуру. Человек существует в истории и через историю, которую он себе рассказывает. В этом контексте шахтерский труд может быть интерпретирован как нарративное ядро коллективной памяти Донбасса. Истории о шахтерских династиях, подвигах, авариях и спасениях образуют устойчивую культурную ткань. Эти рассказы становятся не просто хроникой, а способом идентификации: «мы – шахтеры, мы – люди труда и риска».

Таким образом, нарративная структура шахтерской памяти конституирует коллективное «мы», формируя идентичность как повествовательное бытие.

С позиций классической социологии Э. Дюркгейма можно сказать, что труд в шахте выполняет функцию ритуала: шахтер не только производит материальные блага, но и воспроизводит социальную солидарность. Каждый спуск в шахту – это акт коллективного преодоления опасности, укрепляющий связи внутри сообщества. На Донбассе это приобрело символический характер: шахтерская каска и кирка стали знаками принадлежности к «племени шахтеров».

Итак, шахтерский труд в Донбассе можно трактовать как онтологическую практику, где:

- земля (по М. Хайдеггеру) становится пространством экзистенциального испытания;
- нарратив (по П. Рикеру) закрепляет память и придает смысл труду;
- ритуал (по Э. Дюркгейму) воспроизводит социальную общность [4, с. 48].

Именно поэтому шахта – не просто место работы, а символический центр идентичности региона, связывающий онтологию (бытие), историю (память) и социальность (общность).

Региональная трудовая онтология также породила ценностную матрицу Донбасса, к основным элементам которой можно отнести следующие:

- солидарность как основу социального существования (шахтер никогда не работает в одиночку, его жизнь и безопасность нередко зависят от товарища);
- мужество и готовность к риску как добродетель;
- уважение к труду как высшая форма человеческого достоинства;
- идея равенства (в шахте все равны перед опасностью и стихией).

Не случайно именно шахтеры и образ «шахтерского братства» стали символом региона в XX веке. Их труд воспринимается не только как профессия, но и как онтологическая основа идентичности, позволяющая жителям Донбасса чувствовать себя частью особого мира, где труд, опасность и солидарность образуют фундаментальные основания существования. При этом следует отметить, что еще одной важной компонентой трудовой онтологии региона является труд металлурга.

Донбасс исторически оказался пространством культурного смешения. Русская, греческая, армянская и множество других традиций (в этническом плане жители Донбасса являются представителями более 130 этносов), элементы советской идентичности, а также локально-региональные особенности образуют сложный культурный синтез.

Пограничность в данном контексте понимается не как «недостаток» идентичности, а как ее сущностное основание [12, с. 126]. Жители региона одновременно принадлежат разным культурным мирам, что формирует специфическую гибридную идентичность [2, с. 207]. Она выражается в языке, символике, нарративах о прошлом и будущем. При этом Донбасс никогда не знал этнических конфликтов.

Онтологически Донбассу присуща такая особенность как «двойная укорененность», когда человек одновременно чувствует связь с разными культурными кодами, не разрушая при этом своего внутреннего единства.

Социальные формы идентичности Донбасса складывались через коллективный труд, общие испытания (войны, репрессии, кризисы) и соседскую солидарность.

Феномен «мы» здесь строится не только на этнических или национальных признаках, но и на совместно прожитом опыте. Важным онтологическим аспектом является то, что общность Донбасса проявляется через практики выживания и взаимопомощи, которые формируют уникальный способ бытия «вместе».

Заключение. Онтологический анализ позволяет рассматривать идентичность жителей Донбасса как многослойное явление, включающее историко-экзистенциальное, культурно-ценностное и социальное измерения. Специфика донбасского региона заключается в феномене пограничности, который одновременно является и источником силы (гибкость, способность к синтезу).

Работа выполнена в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение», № госрегистрации 124101500444-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-С; Кучковое поле, 2001. – 288 с.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 328 с.
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. – С. 494–505.
4. Коржов Г.А. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 38–51.
5. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаева. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. – С. 17–50.

6. Рикёр П. Я-сам как другой. – М.: Logos, 2008. – 422 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. – М.: Республика, 2000. – 644 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с. – (Philosophy).
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ; Митгард, 2003. – 576 с.
10. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. – В 2-х ч. Ч. 1. – Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 304 с.
11. Habermas J. Further Reflections on the Public Sphere // Calhoun C.J. Habermas and the Public Sphere. Cambridge Mass.: MIT Press, 1992. – P. 425–429.
12. Smith A.D. Myths and Memories of the Nation. – N.Y.: Oxford University Press, 1999. – 288 p.

Поступила в редакцию 29.09.2025 г.

IDENTITY OF DONBASS RESIDENTS: ONTOLOGICAL ASPECT

A. B. Klimenko

In the article the identity of Donbass residents through the prism of an ontological approach has been analyzed. The work examines the foundations of regional self-awareness, the phenomenon of borderline identity and identity crisis in the context of socio-political transformations. The author argues that the identity of Donbass has a multi-layered character: it includes a historical and existential dimension, cultural and value codes and socio-ontological practices. It has been emphasized that the identity crisis of the region is not only political, but also fundamentally ontological in nature, calling into question the ways of human existence in the “borderline” socio-cultural space.

Key words: Donbass, regional identity, culture, mining, borderline.

Клименко Алексей Борисович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
ФГБОУ «Донецкий государственный университет»,
Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: aleks_klim09@bk.ru

Klimenko Aleksey Borisovich

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Chair of Philosophy
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR. RF.
E-mail: aleks_klim09@bk.ru